

1. **Застольная песня** (сл. А. Дельвига, муз. А. Маноцкова)

Други, други! радость
Нам дана судьбой —
Пейте жизни сладость
Полною струей.

Прочь от нас печали,
Прочь толпа забот!
Юных увенчали
Бахус и Эрот.

Пусть трещат морозы,
Ветр свистит в окно —
Нам напомнит розы
Красное вино.

Нас любовь лелеет,
Нас в молодые дни,
Как весна, согреет
Поцелуй любви.

2. **Белый день** (сл. А. Тарковского, муз. А. Маноцкова; картлийский народный напев)

Камень лежит у жасмина.
Под этим камнем клад.
Никогда я,
Никогда я,
Никогда я не был
Счастливей, чем
счастливей, чем тогда.

Отец стоит на дорожке.
Белый-белый день.
Никогда я,
Никогда я,
Никогда я не был

Счастливей, чем
счастливей, чем тогда.

Вернуться туда невозможно
И рассказать нельзя,
Никогда я,
Никогда я,
Никогда я не был
Счастливей, чем
счастливей, чем тогда.

Как был переполнен блаженством
Этот райский сад.
Никогда я,
Никогда я,
Никогда я не был
Счастливей, чем
счастливей, чем тогда.

3. **Кудри** (сл. А. Дельвига, муз. А. Маноцкова)

Наяву и в сладком сне
Всё мечтаетесь вы мне:
Кудри, кудри шелковые,
Юных персей красота,
Прелесть — очи и уста,
И лобзания живые.

И я в раннюю зарю
Темным кудрям говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?
Мне уж вами не играть,
Мне уж вас не целовать,
Вы другому достаетесь.

Я твержу по вечерам
Светлым взорам и устам:
Замолчите, замолчите!
С лютой долей я знаком,

О веселом, о былом
Вы с душой не говорите!

Ночью сплю ли я, не сплю —
Все устами вас ловлю,
Сердцу сладкие лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждет, —
Но уж милая нейдет
В час условленный свиданья.

4. **На холмах Грузии** (сл. А. Пушкина, муз. А. Маноцкова)

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,

Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, тобой одной...

Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

5. **Успокоение** (сл. Ф. Тютчева, муз. А. Маноцкова)

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело,

Пойдем и бросим беглый взгляд
Туда, по склону вод,

Куда стремглав струи спешат,
Куда поток несет.

Одна другой наперерыв
Спешат-бегут струи
На чей-то роковой призыв,
Им слышимый вдали.

За ними тщетно мы следим,
Им не вернуться вспять,
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать.

И слезы брызнули из глаз,
И видим мы сквозь слез,
Как все, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось.

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и ее
Всесильная волна.

6. **И я уйду** (сл. Х. Р. Хименеса, пер. А. Гелескула, муз. А. Маноцкова)

...И я уйду. А птица будет петь,
как пела,
и будет сад, и дерево в саду,
и мой колодец белый.

На склоне дня, прозрачен и спокоен,
замрет закат, и вспомнят про меня
колокола окрестных колоколен.

С годами будет улица иной;
кого любил я, тех уже не станет,
и в сад мой за беленою стеной,
тоскуя, только тень моя заглянет...

И я уйду; один — без никого,
без вечеров, без утренней капли
и белого колодца моего...

А птицы будут петь и петь, как пели.

7. **Походная песня** (сл. О. Седаковой, муз. А. Маноцкова,
П. Чайковского)

Во Францию два гренадера из русского плена брели.
В пыли их походное платье, и Франция тоже в пыли.
Не правда ли, странное дело? Вдруг жизнь оседает, как прах,
как снег на смоленских дорогах,
как песок в аравийских степях.
И видно далёко, далёко, и небо виднее всего.
— Чего же Ты, Господи, хочешь,
чего ждешь от раба Твоего?
Над всем, чего мы захотели, гуляет какая-то плеть.
Глаза бы мои не глядели. Да велено, видно, глядеть.
И ладно. Чего не бывает над смирной и грубой землей?
В какой высоте не играет кометы огонь роковой?
Вставай же, товарищ убогий! Солдатам валяться не след.
Мы выпьем за верность до гроба:
за гробом неверности нет.

8. **Романс** (сл. А. Дельвига, муз. А. Маноцкова)

«Сегодня я с вами пирую, друзья,
Веселье нам песни заводит,
А завтра, быть может, там буду и я,
Откуда никто не приходит!» —

Я так беззаботным друзьям говорил
Давно, — но от самого детства
Печаль в беспокойном я сердце таил
Предвестьем грядущего бедства.

Друзья мне смеялись и, свежий венец

На кудри мои надевая,
«Стыдись, — восклицали, — мечтатель-певец!
Изменит ли жизнь молодая!»

Война запылала, к родным знаменам
Друзья, как на пир, полетели;
Я с ними — но жребы, враждебные нам,
Мне с ними расстаться велели.

В бездействии тяжком я думой следил
Их битвы, предтечи победы;
Их славою часто я первый живил
Родителей грустных беседы.

Года пролетали, я часто в слезах
Был черной повязкой украшен...
Брань стихла, где ж други? лежат на полях,
Близь ими разрушенных башен.

С тех пор я печально сажу на пирах,
Где все мне твердит про былое;
Дрожит моя чаша в ослабших руках:
Мне тяжело веселье чужое.

9. Баллада о рыцаре Гуго (сл. А. Пушкина, муз. А. Маноцкова;
русский народный напев)

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
Он увидел у креста

На пути Марию Деву,
Матерь Господа Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Он себе на шею четки
Вместо шарфа повязал
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
«Радуйся, Мария!» — кровью
Написал он на щите.

И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам,

«Свет небес, святая роза!» —
Воскликнул он, дик и рьян,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.

Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он строго заключен,
Всё безумный, всё печальный,
Как безумец умер он;

Как с кончиной он сражался,
Бес лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Утащить уж в свой предел:

«Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,

Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа!»

Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

10. **Песнь** (сл. Гр. Сковороды, муз. А. Маноцкова)

*А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не идет с ума.*

Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкус каков, —
*А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не идет с ума.*

Петр для чинов углы панские трет,
Федька-купец при аршине все лжет.
*А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не идет с ума.*

Тот строит дом свой на новый манер,
Тот все в процентах, пожалуй, поверь!
*А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не идет с ума.*

Строит на свой тон юриста права,
С диспут студенту трещит голова.
*А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не идет с ума.*

Тех беспокоит Венерин амур,
Всякому голову мучит свой дур,
*А мне одна только в свете дума,
Как бы умерти мне не без ума.*

Смерте страшна, замашная коса!

Ты не щадишь и царя волоса,
А мне одна только в свете дума,
Как бы умерти мне не без ума.

Кто ж на ея плюет острую сталь?
Тот, чїя совесть, как чистый хрусталь...
А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не идет с ума.

11. **Наташе Шварц** (сл. Н. Олейникова, муз. А. Маноцкова)

Веществ во мне немало,
Во мне текут жиры,
Я сделан из крахмала,
Я соткан из икры.

Но есть икра другая,
Другая, не моя,
Другая, дорогая...
Одним словом — твоя.

Икра твоя роскошна,
Но есть ее нельзя.
Ее лишь трогать можно,
Безнравственно скользя.

Икра твоя гнездится
В хорошеньких ногах,
Под платьицем из ситца
Скрываясь, как монах.

Монахов нам не надо!
Религию долой!
Для пламенного взгляда
Икру свою открой.

Чтоб солнце освещало
Вместилище страстей,
Чтоб ножка не увяла
И ты совместно с ней.

Шипит в стекле напиток.
Поднимем вверх его
И выпьем за избыток
Строенья твоего!

За юбки до колена!
За то, чтобы в чулках
Икра, а не гангрена
Сияла бы в веках!

Дитя, страшися тлена!
Да здравствует нога,
Вспорхнувшая из плена
На вешние луга!

Теперь тебе понятно
Значение икры:
Она — не для разврата,
Она — не для игры.

12. Бьется ночью ветер в окна (сл. А. Введенского, муз. А. Маноцкова,
И. С. Баха)

Бьется ночью ветер в окна:
отвори-ка, отвори.
Я задумалась глубоко,
но ждала вас до зари.
Я любила вас, не зная,
на четвертом этаже,
всё по комнатам гуляя
одиноким в неглиже.

*Ах, зачем же тихо стонет
зимний день на Рождество!
Вы сдуваете с ладоней
пепел сердца моего.*

Пусть мои закрыты двери,

под глазами синева,
разболелась от потери,
закружилась голова.

Я любила вас, не зная,
на четвертом этаже,
всё по комнатам гуляя
одинокое в неглиже.

*Ах, зачем же тихо стонет
зимний день на Рождество!
Вы сдуваете с ладоней
пепел сердца моего.*

13. Вакхическая песня (сл. Н. Олейникова, А. Пушкина, муз.
А. Маноцкова)

Меня изумляет, меня восхищает
Природы красивый наряд:
И ветер, как муха, летает,
И звезды, как рыбки, блестят.

Но мух интересней,
Но рыбок прелестней
Прелестная Лиза моя —
Она хороша, как змея!

*Возьми поскорей мою руку,
Склонись головою ко мне,
Доверься, змея, политруку —
Я твой изнутри и извне!*

*Мешают нам наши покровы,
Сорвем их на страх подлецам!
Чего нам бояться? Мы внешне здоровы,
А стройностью торсов мы близки к орлам.*

Тому, кто живет как мудрец-наблюдатель,
Намеки природы понятны без слов:
Проходит в штанах обыватель,

Летит соловей — без штанов.

Хочу соловьем быть, хочу быть букашкой,
Хочу над тобою летать,
Отбросивши брюки, штаны и рубашку —
Все то, что мешает пылать.

*Коровы костюмов не носят.
Верблюды без юбок живут.
Ужель мы глупее в любовном вопросе,
Чем тот же несчастный верблюд?*

*Поверь, облаченье не скроет
Того, что скрывается в нас,
Особенно если под модным покровом
Горит вождельня алмаз.*

*...Ты слышишь, как кровь закипает?
Моя полноценная кровь!
Из наших объятий цветок вырастает
По имени Наша Любовь.*

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!

14. **На воздушном океане...** (сл. М. Лермонтова, Д. Хармса, муз.
А. Маноцкова)

На воздушном океане
без руля и без ветрил
тихо плавают в тумане
хоры стройные светил.

Средь полей необозримых
в небе ходят без следа
облаков неуловимых
волокнистые стада.

Над высокими домами
между звезд и между трав
ходят ангелы над нами,
морды сонные задрав.

На воздушном океане
на простор речной волны
тихо плавают в тумане
Стеньки Разина челны.
*Выше стройны и велики,
воскресая из воды,
лишь архангелы-владыки
садят Божии сады.*

Из-за острова на стрежень
без руля и без ветрил
выплывают расписные
хоры стройные светил.

*Там, у Божьего причала,
их понять не в силах мы,
бродят светлые начала,
бестелесны и немы.*

Час разлуки, час свиданья
им ни радость, ни печаль,
им в грядущем нет желанья
и прошедшего не жаль.

В день томительный несчастья
ты о них лишь вспомяни,
будь к земному без участия
и беспечна, как они.

15. **Всех рыб...** (сл. М. Чевеги, муз. А. Маноцкова)

Всех рыб во серьги золоты!
Птиц — в жемчуга!

Как много радостей простых
В садах, лугах.

Пусть в парке завтрак подают,
Поет хор дев,
И подпевают им верблюды,
Телец и лев.

Порывы свежего нахлест!
В аркадах вьюн
Щебечут сирины, алконосты
И гамаюн.

И серебристая река,
И тополя,
И жизнь как ветерок легка
И счастлив я.